

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ I

Пьер Бурдьё
Различение





Цель: изложить центральную идею Бурдьё о социальном пространстве в аспекте его «философии действия», акцентируя внимание на вкусе как практическом мастерстве распределений и когнитивных структурах, социальных агентах и дифференцирующих условиях.

Основные идеи:

- Бурдьё и его философия действия.
- Вкус для Бурдьё – это практическое мастерство распределений.
- Социальная наука и воплощенные социальные структуры.
- Когнитивные структуры и социальные агенты.
- Дифференцированные и дифференцирующие условия в разделе «Знаний без понятий».
- Принципы деления в «Классической борьбе».

Ключевые сочетания: схемы габитуса, социальные агенты, философия действия, логика стигмы, фундаментальные структуры в обществе.

В данной лекции мы будем говорить о Пьере Бурдьё. Пьер Бурдьё – французский социолог, философ, культуролог, автор «философии действия». Социология для него представляла социальную типологию. Центральные идеи его теоретической концепции – социальное пространство, поле, культурный и социальный капитал, габитус. По его мнению, место и роль агента в этом пространстве предопределяет экономический капитал, который может выступать как культурный, социальный и символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем. Согласно теории Пьера Бурдьё, общество – это не столько структура, сколько итог активных действий «агентов», или «актеров» процесса. Актер – это субъект с имманентной внутренней активностью. Множество актеров составляет массу, или то, чему можно придать форму и чему придается форма, – вождями, государством, партиями, начальниками и т. д. Введение «актера», по мнению Бурдьё, подчеркивает современную роль и новое понимание массы, которая своей деятельностью влияет на результат социального изменения.

Пьер Бурдьё изучал систему образования, государство, власть и политику, литературу и живопись, экономику и масс-медиа, науку и религию. Свое учение он называл «философией действия». Центральной проблемой у Бурдьё выступает соотношение между познанием и действием, которое в исследовании становится соотношением между субъектом и объектом. Бурдьё считает, что все попытки прямого понимания означают абсолютное положение наблюдателя и что объективирование посредством структурного анализа приближает чуждое. Так, полагается, что дологическая практика, например, ритуалов, не может быть понята путем «вживания» наблюдателя, обремененного рациональной логикой, а станет более «осязаемой» при дистанцировании и объективировании.

В тексте, представленном в Антологии, французский социолог утверждает, что весь вкус в литературе является следствием предшествующих детерминантов. Считается, что классовая позиция, обучение культуре, образование – все эти факторы классифицируют читателей и сортируют по группам, которые предпочитают одну литературу другой.

Работа «Различение» начинается с раздела «Классы и классификации». Ниже приводится цитата Карла Крауса «Если мне нужно выбрать меньшее из двух зол, я не выбираю ни то, ни другое». Бурдьё, ссылаясь на Канта, поддерживает суждение, что вкус – это приобретенное стремление «дифференцировать» и «ценить», или, другими словами, устанавливать и отмечать различия в процессе различения. По мнению автора, схемы габитуса, первичные формы классификации обязаны своей конкретной эффективностью тому, что они функционируют ниже уровня сознания и языка, вне досягаемости интроспективного контроля. Ориентируясь на практику, они внедряют то, что некоторые ошибочно называют ценностями, и задействуют самые фундаментальные принципы строительства и оценку социального мира. Они же непосредственно выражают разделение труда (между классами, возрастными группами и по признаку пола) или же разделение работы власти в разделение между телами и между отношениями с телами.



Вкус для Бурдьё – это практическое мастерство распределений, которое позволяет ощущать или интуитивно понимать, что может постичь человек, занимающий определенную позицию в социальном пространстве. Он функционирует как социальная ориентация с «чувством своего места», направляя обитателей определенного места в социальное пространство на определенные социальные позиции. Это подразумевает практическое ожидание того, что будет иметь социальный смысл и ценность выбранной практики. В данном случае учитывается их распределение в социальном пространстве.

Таким образом, социальные агенты, которых классифицирует социолог, являются производителями не только классифицируемых актов, но и актов классификации. Знание социального мира должно принимать во внимание практическое знание, которое уже существует. Хотя в качестве первого этапа это знание должно быть составлено против частичных и пристрастных представлений, утверждаемых практическим знанием. Так, разговор о габитусе включает в себя как объект знания, так и агентов, являющихся частью объекта. Речь идет не только о возвращении в реальный мир, который они стремятся познать. Речь также идет о знании реального мира, который способствует его реальности. Раздел эссе «Воплощенные социальные структуры» освещает следующий блок вопросов. Социальная наука, рассматривая социальный мир, принимает к сведению тот факт, что агенты в своей обычной практике являются субъектами акта построения социального мира. Поэтому социальная наука нацелена на описание социального генезиса принципов строительства и поиска основ этих принципов в социальном мире. Ломая антигенетические предрассудки, которые часто сопровождают признание активного аспекта знания, она ищет в объективных распределениях особые свойства, в частности материальные. Когнитивный же подход по своей этнологической и социологической форме игнорирует вопрос о генезисе психических структур и классификаций. Социальная наука исследует взаимосвязь между принципами деления и социальными делениями, т. е. между поколениями и полами.

Когнитивные структуры, реализуемые социальными агентами в их практическом знании социального мира, являются интернализированными, «воплощенными» социальными структурами. Практическое знание социального мира, предполагаемое «разумным» поведением внутри него, реализует классификационные схемы в виде «форм классификаций», «ментальных структур» или «символических форм». За исключением их коннотаций, эти выражения практически взаимозаменяемы. Также учитываются исторические схемы восприятия и оценки, которые являются результатом объективного деления на классы, т. е. возрастные группы, пол, социальные классы. Считается, что они функционируют ниже уровня сознания и дискурса. Эти принципы деления являются общими для всех агентов общества и позволяют создавать общий, осмысленный мир, мир здравого смысла, потому как являются продуктом включения фундаментальных структур в общество. Все агенты в данной социальной формации имеют набор базовых перцепционных схем. Они получают начало объективации в парах антагонистических прилагательных, обычно используемых для классификации людей или объектов. Сеть оппозиций между высокими и низкими, духовными и материальными, прекрасными и грубыми, светлыми и тяжелыми, свободными и вынужденными, широкими и узкими, между уникальными и общими, умными и тупыми является матрицей всех общих мест. Она находит признание, потому что на ней сфокусирован весь общественный порядок. Сеть имеет свой главный источник в оппозиции между доминирующей «элитой» и доминирующей «массой». Эти мифические корни должны быть пущены к генерации повторяющихся тем вечной социодикции.

По-видимому, наиболее формальные оппозиции в этой социальной мифологии всегда извлекают свою идеологическую силу из того факта, что они более или менее осторожно относятся к самым фундаментальным оппозициям в общественном порядке. Из этого следует, что ранее выдвинутая карта социального пространства может быть прочитана как строгая таблица исторически сложившихся и приобретенных категорий. Они организуют идею социального мира в умах всех субъектов, принадлежащих этому миру и сформированных им. Те же классификационные схемы могут функционировать, будучи указанными в полях вокруг полярных позиций. Таким образом, основная оппозиция постоянно поддерживает оппозиции второго,



третьего ранга, эвфемизируя себя до уровня недопонимания. В результате противостояние в ряде своих применений, особенно схоластических, служит для того, чтобы отличать популярные или мелкобуржуазные вкусы от буржуазных вкусов, может быть использовано театральной критикой, направленной на доминирующую фракцию доминирующего класса. Данный контекст важен для выражения связи между «интеллектуальным» театром, который осуждается за его «трудоемкие» притязания и «репрессивный» дидактизм, и «буржуазным» театром, который хвалят за его такт. Напротив, «интеллектуальная» критика простым обращением ценностей выражает связь в едва модифицированной форме одной и той же оппозиции. Аналогичным образом можно показать, что противопоставление правых и левых посредством первой трансформации может обозначать отношения между доминируемыми и доминирующими фракциями. Из этого следует, что при рассмотрении каждого из пары квалификаторов система составления концептуального аппарата суждения о вкусе крайне бедна. Каждое конкретное использование одной из этих пар приобретает свое значение по отношению к вселенной дискурса. Но каждая из пар, указанных в использовании, имеет разные формы применения.

Следующий раздел работы «Знания без понятий» рассматривает дифференцированные и дифференцирующие условия, связанные с различными условиями существования. Посредством исключений и включений, союзов и делений, которые регулируют социальную структуру и структурирующую силу, социальный порядок постепенно вписывается в умы людей. Социальные деления становятся принципами разделения, организуя образ социального мира. Объективные пределы становятся смыслом пределов, ожиданием объективных пределов. Они приобретаются опытом объективных границ, «чувством своего места». Чувство пределов подразумевает забвение пределов. Одним из наиболее важных эффектов соответствия между реальными разделениями и практическими принципами разделения, между социальными структурами и умственными структурами становится принцип докса. Он предполагает приверженность отношениям порядка, поскольку они неразрывно связаны как с реальным миром, так и с мысленным миром. Первичное восприятие социального мира, далекое от простого механического отражения, всегда является актом познания. Это акт, включающий принципы построения, которые являются внешними по отношению к сконструированному объекту. Однако это и акт разборки, подразумевающий самую абсолютную форму признания общественного порядка. Подчиненные агенты, применяя систему схем восприятия и оценки в рамках объективных законов, склонны приписывать себе атрибут распределения, корректируя ожидание, исходя из своих шансов. Таким образом, сохранение общественного порядка решительно подкрепляется тем, что Дюркгейм называл «логическим соответствием». Автор учитывает, что система классификационных схем противоречит таксономии, основанной на явных и четко согласованных принципах. Отсюда вытекает и то суждение, что диспозиции, составляющие вкус или этос, противоречат эстетике или этике. Чувство социальных реалий, которое приобретается в конфронтации с определенной формой социальной необходимости, позволяет действовать так, как будто человек знает структуру социального мира. Практическое мастерство классификации не имеет ничего общего с рефлексивным мастерством, которое требуется для построения таксономии. Оно же одновременно является последовательной и адекватной социальной реальностью. Практическая «наука» о позициях в социальном пространстве – это компетенция, предписываемая искусством того, как вести себя с людьми и вещами, которые относятся к «классу», находя и играя с правильным расстоянием.

Неудивительно, что можно устранить практический смысл социального пространства, который лежит в основе классово-атрибутивного суждения. Социологи, которые используют самопротиворечия своих респондентов в качестве аргумента для отрицания существования классов, просто показывают, что они не понимают, как работает тот или иной «смысл» в искусственной ситуации. Фактически, независимо от того, используется ли он для того, чтобы располагаться в социальном пространстве или размещать других, чувство социального пространства всегда относится к конкретной ситуации. Это объясняет, например, расхождения между опросами представителей классов в небольшом городке и опросами класса по общенациональной шкале.

Отсюда исходят вопросы «выгодных атрибутов». Суть принципа уместности, который реа-



лизуется в восприятии социального мира и который определяет все характеристики людей или вещей, основан на интересах отдельных лиц или групп. Необходимо знать, что интерес к наблюдаемому аспекту никогда полностью не зависит от преимущества его наблюдений. Это можно четко увидеть во всех классификациях, построенных вокруг стигматизированной функции. Это ясно выражено и во всех «суждениях о маркировке», которые фактически являются обвинениями, категориями в оригинальном аристотелевском смысле. Логика стигмы напоминает, что социальная идентичность – это доля в борьбе, в которой стигматизированный индивидуум или группа предполагает доминирующую таксономию.

Логические и социологические принципы деления в «Классической борьбе» функционируют внутри борьбы социальных групп. По мнению автора, в производстве концепций они создают группы, которые производят своеобразные принципы. Полагается, что то, что поставлено на карту в борьбе за ценности социального мира, является властью над классификационными схемами и системами. Они лежат в основе представлений групп и их мобилизаций или демобилизаций. К ним автор относит: вызывающую воспоминания силу высказывания, схемы восприятий, разделительную силу, различие, диакризис, дискретизацию, вычерчивание дискретных единиц из неделимой непрерывности.

Только внутри и через борьбу интернализованные пределы становятся границами, барьерами, которые нужно переместить. И действительно, система классификационных схем представляет собой объективированную, институционализированную систему классификации. Официальные системы классификации, такие как теория трех порядков, систематически делают то, что классифицирующие схемы делают молча. В результате атрибуты в смысле предикатов становятся полномочиями, способностями, привилегиями, прерогативами, приписываемыми занимающим те или иные позиции. Так, войной становится уже не то, что делает воин, а служебная, конкретная функция. Классификационная дискретизация, как и закон, замораживает определенное состояние силовых отношений, стремясь зафиксировать ее навсегда. Классификационная система как принцип логического и политического деления существует и функционирует только потому, что она воспроизводит в преобразенной форме символическую логику дифференциальных промежутков.

Системы классификации не были бы такими решающими объектами борьбы, если бы не способствовали существованию классов за счет повышения эффективности объективных механизмов. Наложение признанного имени является актом признания полного социального существования, которое трансмутирует названную вещь. Она больше не существует де-факто. Она определяется социальной функцией или мандатом, миссией, задачей, ролью – всем тем, что выражает разницу между санкционированной деятельностью и простой узурпацией.

Существуют ученые, чье творчество очень трудно ограничить жесткими рамками некоторого теоретического направления. К числу таких ученых, безусловно, относится выдающийся французский социолог Пьер Бурдьё. Он основал особую социологическую школу. Его исследования фактически носят междисциплинарный характер, чему способствует полученное им фундаментальное философское образование. Его социологическая концепция была создана на стыке теоретической и эмпирической социологии, она создает новые научные каноны.

Контрольные вопросы:

1. В чем заключается суть философии действий Бурдьё?
2. Почему Бурдьё характеризует вкус как практическое мастерство распределений?
3. Как автор описывает социальную науку в аспекте воплощенных социальных структур?
4. Опишите взаимосвязь когнитивных структур и социальных агентов.
5. В чем отличие дифференцированных и дифференцирующих условий в разделе «Знаний без понятий»?
6. Какие принципы деления заложены в разделе «Классическая борьба»?



Книга: Теория литературы: Антология, том I

Лекция: 24. Пьер Бурдьё. Различение

Список рекомендуемых ресурсов:

1. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/per-burde.html>
2. Джули Ривкин и Майкл Райан. Литературная теория: антология. Третье издание. стр. 325 – 339.